

высшимъ совершенствомъ? Въ этой именно нелѣпой мысли и приходитъ по словамъ книги—кто бы вы думали?—самъ Иисусъ Христосъ, будто бы желавшій броситься съ кровли храма, чтобы лишить Себя жизни. Онъ воздержался отъ исполненія своего намѣренія, но по какому побужденію?—по весьма туманному разсужденію, что воля Отца жизни заключается въ томъ, чтобы люди жили во плоти. Доводъ этотъ едва ли основательный: можетъ быть въ томъ и воля Отца жизни, чтобы мы страхнули съ себя узы плоти и убивали ее; но какъ бы то ни было, разъ признано, что цѣль совершенствованія заключается въ обладаніи духа надъ плотью, а отдаться на смерть есть высшее проявленіе этого обладанія, то и всякое самоубійство остается высшею добродѣтелью. Если, далѣе, развитіе разума, сознательности и духовности, само по себѣ взятое, есть цѣль жизни, то почему авторъ считаетъ лучшими людьми дѣтей? Въ нихъ вѣдь всего менѣе господства надъ потребностями плоти, всего менѣе сознательности. Не болѣе ли послѣдовательнымъ было бы новой вѣрѣ считать всякаго взрослого лучше младенца, считать развращеннѣйшую женщину лучшею, чѣмъ когда она была невинной дѣвушкой, считать мірового злодѣя, изощрившагося въ мученіи ближнихъ, лучшимъ, чѣмъ искренняго простосердечнаго юношу, ибо у первыхъ вѣдь болѣе сознательности, болѣе обладанія надъ инстинктами плоти, чѣмъ у послѣднихъ? Церковь уважаетъ духовность и сознательность, и будучи чужда тому, чисто манихейскому раздѣленію добра и зла, какъ духовнаго и плотскаго, котораго придерживается новая вѣра, Церковь далека и того крайняго взгляда, который считаетъ разсудокъ, разумъ—за начало всякаго зла. Но она учитъ простирать наше самоотверженіе далѣе подавленія чувственныхъ страстей. Указывая людямъ въ примѣръ паденія ангеловъ, какъ далеко можетъ простираться зло въ области духа и сознанія, она показываетъ тѣмъ самымъ, какъ много еще остается нравственной борьбы, а слѣдовательно и развитія добра въ себѣ для человѣка, уже побѣдившаго свою чувственность. Женатый трудовой человѣкъ, который не воюетъ, не судится, не божится и не мститъ людямъ за обиды—вотъ высшій идеалъ добродѣтели по морали Толстого, и такой человѣкъ уже достигъ возможнаго совершенства. Въ этомъ смыслѣ авторъ и утверждаетъ, что христіанское ученіе легко выполнить помимо всякой благодати. Но это ли высота христіанской добродѣтели?